

Предисловие

Предисловие... В этом месте все, кто меня знает хоть сколько-нибудь близко, должны закричать:

— Ага, он опять за свое!

И правда, я ненавижу писать предисловия, в чем многократно публично признавался. В самом деле, зачем? Вот книжка — читайте. Там должно быть все написано, а если нет, предисловием ситуацию не спасти. Тем не менее, раз за разом какие-то вводные слова вымучивать из головы приходится.

Не станет счастливым исключением и представленная работа. Вынужден объясниться.

Во-первых, «Опасные земли» я писал очень долго, почти, как Джордж Мартин, который мучает нас ожиданием «Ветров зимы» с 2011 года. Бодрости такое непростительное затягивание релиза не добавляет. Никому: автору, читателю (вдруг кто прочитает сию нетленку?), самой книге. Стоит остановиться на пару месяцев, начинаешь банально забывать фактуру. А новая фактура сама собой появляется. И вот ты снова перед белым вордовским листом в полной задумчивости: а что, собственно, писать? Старенькие идеи позабылись, новые в наличии, но уже поссорились с прежними установками, как их теперь помирить? Словом, коли вас настигнет муза, и вы соберетесь писать — пишите быстро, по возможности не отрываясь.

У меня так не вышло.

Поэтому внутри себя книга является сшивкой разных, самых разных концепций, которые удалось поженить. Удачно или нет — судить вам.

Во-вторых, «Опасные земли», что для вашего неумелого рассказчика крайне нетипично, книга случайная. В том смысле, что автор не сидел за планами, таблицами персонажей с четким планированием всех сюжетных ходов, композиции и прочей положенной лабуды. Обычно сию. Только не в этот раз.

Первоначально идея казалась легкой, прикольной и даже слегка сумасшедшей. Дело в том, что я большой любитель фильмов Джорджо Ромеро про зомби. А еще я люблю рыцарей. Бинго!

Представляете классического зомби? Ну, убить можно только ударом в голову, нельзя давать кусаться, или вы тоже обратитесь.

И еще он очень тупой. А рыцаря представляете? Хорошего такого представителя правящего класса позднего Средневековья — в сияющих латах. Что если в XV веке случится эпидемия зомби? Как занятно! Рыцарь-зомби в каленом толстом шлеме — да его завалить вообще почти невозможно! При этом он совершенно тупой и никогда не сможет открыть забрало, а значит — не сумеет кусаться! Более нелепого создания представить невозможно.

Придумав такое, ваш покорный слуга очень обрадовался и незамедлительно обмакнул перо, чтобы погнать вольную строку. Изначально мысль была о смешной книжке, совсем ни к чему не обязывающей и обязательно маленькой. Этакая переповесть — недороман. Листов на семь-восемь авторских, то есть страничек на 180-200.

Я тогда находился в паузе после эпопеи с написанием космооперы «Пилот мечты». «Пилот» выпил все мои соки, выжал досуха. Запланированный трехтомник обратился тетралогией. Обычная новеллизация компьютерной игры «Завтра война» (взял сценарий, развернул сюжет, приделал диалогов — всего делов) стала исполинскими Звездными войнами в одной далекой галактике. К тому же постоянно приходилось соотносить собственную писанину с мнением богатейшего фансообщества исходной серии «Завтра война» и самой компьютерной игры.

Словом, я вымотался до последнего края.

А писать что-то было надо.

Ведь я, как кузнец, не могу, не куя.

Кроме того, надо было что-то отнести в издательство и банально заработать денег. Экая унылая проза, да деваться некуда. А тут такая сытная идея! Настоящее спасение! Сделаю небольшую, легкую повесть, а уж после возьмусь за что-то большое и устрашающее с новыми творческими силами. Но не тут-то было!

В издательстве поглядели на первые главы и говорят:

— Послушай, мужик! Где попаданец? У тебя нет попаданца! А все это историческое занудство без попаданца никто даже не откроет (точно-точно, вон и отдел маркетинга кивает). Кроме того, что за названия и имена? Бургундия какая-то, пятнадцатый век, все эти Валуа, де Бурбоны, Шароле — контрреволюция сплошная! Народ у нас тупой (да-да, вот и отдел маркетинга кивает), где эта Бургундия, никто не знает, кому она вообще

нужна? Пиши так, чтобы понятно было! Про Русь! И обязательно попаданца!

Вот же... Г-хм!

Сильнее предисловий я ненавижу попаданцев! Тем более что своим литературным дебютом «Солдат императора» я этот свой гештальт закрыл навсегда. Там, правда, был не попаданец, а форменный засланец, но согласимся — очень близко. В общем, пришлось что-то такое придумывать.

Прежде всего, пришлось срочно писать вторую часть, которая могла бы стать первой — про Русь, как заказывали. Ревущие 1260-е, Новгород, Раковорская война — все по красоте. Кроме того, в загатнике валялись незаконченные записки (просто записки) про некоего условного антиквара, который трудится на нелегкой ниве старины в Питерских библиотеках, музея, пабах и подворотнях XXI века. Уж этот материал мне знаком не понаслышке! Итак, приключения разворачиваются в Средневековье, а в наше время совершенно отечественный антиквар ведет расследование по неким случайно попавшим в его руки артефактам. Все понятно, духоскрепно и даже патриотично. И отдел маркетинга, озабоченный поголовной тупостью читателя (где они таких нашли, интересно), не волнуется — есть много всем знакомых слов!

И тут, хлоп, меня настигла первая профессиональная квалификация — научная, историческая. И я занялся масштабной съемкой просветительских роликов совместно с Д. Ю. Пучковым «Гоблином», а потом и самостоятельно. Лекции, подготовка контента, писанина, но уже не художественная, а вполне историческая сожрали меня полностью.

Ни сил, ни времени на «Опасные земли», который принялись пылиться в столе и натурально протухать.

Иногда, измученный совестью, я возвращался к проекту. Потом снова уходил, и так далее. Прошли годы! Если я начинал книгу, будучи младше главного героя, то после заметил, что уже на пару лет старше. Но нет худа без добра.

Главное добро состояло в том, что мне вдруг стало мультинаплевать с орбитальной станции на мнение любого отдела маркетинга — я сам себе отдел. Такие широкие возможности предоставляет нам интернет. Кроме того, заброс поочередно нескольких глав в социальные сети наглядно показал, что читатель, против невнятных и непонятно чем обоснованных обвинений

в тупости, совсем наоборот — умен и жаждет не попаданцев, а нормальных историй.

Поэтому я смог вернуться в Бургундию.

И вот победа — книга перед вами в слитном готовом виде. Внутри есть и антиквар, и рыцари, которые обязательно встретятся.

Кстати, сперва рабочим названием были никакие не «Опасные земли». Что это вообще? Какие земли, почему именно опасные? Изначально роман назывался просто: «Антиквар». И очень мне это поименование нравилось односложностью, емкостью и так далее. Звучно же!

Но тут меня огорошили товарищи, сообщившие, что коллега Александр Бушков, оказывается, уже выпустил цикл с в точности таким названием — «Антиквар».

«Вот же жук», — подумалось мне, но делать нечего.

Двух «Антикваров» литературная галактика, конечно же, не сдюжит. Да и форменный скандал может выйти. Так что я опять стал думать. Название — это очень и очень зыбкий феномен, не всегда осиливаю. Рандомный перебор букв сложился в итоге так: «Опасные земли герцогства Бургундского». Лишнее герцогство потом отпало, оставив одинокие, но куда более лаконичные «Опасные земли».

В самом деле, приключения, связанные с риском, сиречь — опасностью. Почему бы не быть опасным землям? И они стали быть. Как часто бывает — от содержания до названия не совсем по воле автора, а иногда строго против его воли. Вот что значит затянуть релиз. Он запросто может начать жить собственной жизнью.

И начал.

Надеюсь, будет интересно.

Пересказывать краткое содержание предыдущих серий (точнее, последующих) не стану — увольте. Но на фактуре остановиться обязан. С художественной точки зрения она ни на что не влияет — ни одно содержание в ходе работы над книгой не пострадало! С точки зрения истории — очень даже. Отсюда пара уточнений и, как нынче модно говорить, дисклеймеров.

Главный герой средневековой части носит славное имя Филипп де Лален. Это реальный персонаж, младший брат прославленного турнирного бойца, настоящей суперзвезды и Федора Емельяненко пятнадцатого столетия Жака де Лалена. Последний вполне

заслуженно отхватил славы. Про него писали и пишут (ученые, конечно) много и охотно. Брат же скрылся за исполинской фигурой старшенького, совершенно потерявшись в его лучах. Можно бы сосредоточиться на Жаке, но про него слишком многое известно доподлинно, да и несправедливо это — забывать совсем о младшем.

Тот погиб в битве при Монлери 16 июля 1465 года, о чем сообщает нам очевидец и участник, неподражаемый Филипп де Комин, сеньор де Монсекюр в своих «Мемуарах» — книге исключительной и даже революционной в своем роде.

Я к тому, что источниками владею и в курсе, что жизнь де Лалена младшего оборвалась. Но вдруг, вдруг... он не погиб, сгинув немного позже при крайне смутных обстоятельствах?

Это первое допущение.

Второе — возраст.

Волюнтаристским авторским произволом я здорово омолодил Филиппа. К окончанию пути он подошел матерым тридцатипятилетним мужиком. Почти порог старости по тем суровым меркам. Царедворец, вельможа, испытанный в боях и турнирах, цвет бургундского рыцарства. Однако такой персонаж, вполне состоявшийся и устоявшийся, показался мне слишком, что ли, бронзовой личностью, которую мне не своротить в плане характера. Немного покумекав, я скинул ему десяток лет, снабдив для контраста старым наставником и еще более молодым другом. Обоих, честно скажу, придумал, все совпадения случайны.

В тексте есть и другие допущения, правда, совсем незначительные — ради красного словца. Клоню я к чему? К тому, что это не ошибки — допущения. Все-таки книга, хоть и историческая, с опорой на чертову кучу подлинных источников и научных исследований, не научная, а художественная. Сиречь имеет право быть наполненной разнообразными фантомами сознания.

Далее.

Я сознательно не ввел в дело ни одного значимого женского персонажа. Не со зла. Не потому, что автор гендерный протестант или, упаси боже, женоненавистник. Девчонок я страшно люблю, ценю и уважаю. В моей околхудожественной писанине почти всюду женщины. Даже секс случается. «Пилот мечты» делал это в купите космического истребителя!

Но не здесь, нет.

Кто-то может сказать:

— И правильно! Задрали уже все эти сеттинги, куда искусственно вмонтированы сильные и независимые тети!

Оно, конечно, так — задрали. Но локальный внезапный игнор девчонок с этим прискорбным явлением вообще не связан. Никак. Просто ситуация не располагала. Военный поход рыцарского войска, а потом — отряда. И куда тут поместится прекрасная и хрупкая девушка? Даже если она не очень хрупка и совсем не прекрасна — ей просто не нашлось места.

Да и хотелось, что греха таить, отвлечься от почти обязательной лавстори в любом, даже не слишком подходящем, случае. Эксперимент, знаете ли. Насколько зайдет читателю не совсем клишированный сюжетец? А то имеются рекомендации, ну вы знаете: не более четырех персонажей, конфликт с внутренним антагонистом (то есть герои должны непрерывно лаяться, выясняя, кто тут альфа), любовь и прочая, прочая.

Ничего этого в книге нет.

Зачем вообще я ее написал, спросит кто-то? Что хотел сказать, какие глубокие смыслы преследовал?

Отвечу просто: написал, потому что мог. Не только историческим занудством жив человек, я в том числе. Художественная форма и апелляция к чувствам важна не менее. Никакой сверхзадачи не имелось, а что до смыслов... мы все лишь пустые сосуды, которых наполняет божественный ветер реальности. Каждый волен искать и найти в моем сосуде то, что он сумеет или захочет.

Вот такие замечания касательно книги, очень для меня непростой. Вот такие замечания касательно персонажей, с которыми ваш робкий рассказчик сильно сроднился.

Надеюсь, сроднитесь и вы.

P.S. Огромная благодарность, признательность и низкий поклон замечательной Елене Ашихминой, которая прошла со мной весь этот путь от начала до конца. Без нее никакой книги просто не было бы.

Глубочайшее мерси Андрею Куркину — блестящему специалисту и знатоку бургундского Средневековья. Его советы оказались бесценными. Мессир Андрэ, vive la Bourgogne!

ЧАСТЬ 1

Глава 1

Антиквар

Отец оставил мальчику Кириллу в наследство фамилию Пенежежневцевых и больше ничего.

Мальчик Кирилл изрядно настрадался с родовым своим прозвищем в школьные годы. Понятно почему — дети бывают очень злыми существами. Кирилл держал оборону и даже бивал разные лица, чтобы они, лица, не позволяли лишнего. Ведь за фамилией, как ни крути, череда предков, требующих почтения.

Потом был Московский историко-архивный институт с перерывом на службу в армии, а потом Кирилл внезапно оказался в статусе «уже не мальчик» и заодно обнаружил неприятный факт: страна в нем не нуждалась. Ну, то есть, как бы не совсем не нуждалась. Просто в державе случилось перепроизводство историков, философов и прочих выкормышей фундаментальной науки.

Промыкавшись два года, Кирилл, не будучи большим моралистом, задумался о выживании собственной физической оболочки и совершил весьма необычный для России конца двадцатого века маневр — продал московскую квартиру и перебрался в Петербург, к Неве, сырости, бесконечной осени и тучам над головой.

Город, как раз начавший исправно снабжать столицу образованными кадрами, удивился и принял гостя холодно. Это выразилось в обвальном чередовании неудач на ниве юного русского предпринимательства, которое по недоразумению величали англосаксонской идиомой «бизнес».

Начинал он с недоремонтированной, но весьма солидной «трешки» на Васильевском острове, приобретенной на волне удешевления жилья и удорожания североамериканского доллара, которыми приветствовал немногих счастливых кризис 1998 года. Кирилл только что продал трехкомнатную недвижимость на Цветном бульваре и оказался обладателем

сумасшедшей кучи заокеанской валюты, которая каждый день превращалась в еще большую кучу рублевого эквивалента.

Хватило на статусное помещение возле метро “Василеостровская” и небольшую, но собственную долю в риелторской компании, которая занималась опять-таки жильем.

Тогда же старшие коллеги объяснили, что успеха в бизнесе с такой фамилией не видать. Пеневежневцевских — это кто ж выговорит такое при общем падении нравов и образования!

Ну что же? Рвать неподатливую материю реальности — так с хрустом и до конца!

Пришлось потерять паспорт и превратиться в Ровного, по матушке.

Кирилл Ровный — очень удачное в деловых кругах поименование!

Удачным оказалось только новое имя. Кризис, принесший деньги и отличную «хату» в царском фонде, унес и деньги, и хату.

Через два года юный бизнесмен приземлился в заолустных Озерках, проживая с видом на свежестроенный торговый центр «Бада-бум». Название навевало ассоциации с Люком Бессоном, а жилье — тоску, потому что с царским фондом его роднило лишь отсутствие ремонта.

Итак, актив: одна комната, тесная кухня и дом, который аборигены называли отчего-то «кораблем», унылая работа в том самом «Бада-буме», где Ровный подвизался на ниве торговли мобильными телефонами, как раз входившими в моду и всеобщее употребление.

Впрочем, работу можно было смело вносить в пассив, потому что «менеджер по продажам», помноженный на бесполезное образование, — это тавро, совсем как у коровы в штате Техас. То есть на первый взгляд — никаких перспектив. Да и на второй тоже.

Молодой президент на экране тайваньского «Панасоника» доходчиво рассуждал о вертикали власти, борьбе с коррупцией и поддержке малого предпринимательства, а Ровный никак не мог взять в толк: чему так радуется публика?

От старого самодержца, памятного пьяными плясками, новый отличался лишь трезвостью, спортивным телосложением и публичной прогулкой «по делам» на истребителе фирмы Сухого.

Служивцы называли президента «новой надеждой», миротворцем и стабилизатором. А Кирилл хмыкал, добавляя про себя, что оно конечно, стабилизатор, стабилизатор планирующей бомбы. Чтобы, значит, падало ровнее.

Впрочем, как отмечено выше, склонностью к морализаторству он не отличался, поэтому в политические дискуссии не вступал, а хмыкал исключительно про себя или, как писал Грибоедов, — «в сторону».

Гораздо сильнее его заботило персональное все более туманное будущее.

Огромный трехэтажный ларек, выступавший на бизнес-сцене под псевдонимом торгового центра, отражал реальность, как зеркало, но не гладкое венецианское, а мутное, бронзовое из античных времен. Арендаторы разорялись, им на смену приходили новые, и не было решительно никаких гарантий, что фирмочка, приютившая Кирилла, не завернет ласты через неделю. Или через месяц. Придавят конкуренты или очередной «подарок» налоговой службы — словом, были варианты, один другого поганее.

Надо было срочно соображать, и он соображал, что неизменно выливалось в малоприменимую с практической точки зрения формулу:

— Надо валить, надо срочно куда-то валить!

И никаких более жизненных рецептов.

Именно тогда Кирилл обзавелся фатализмом глубиной с Марианскую впадину, а заодно встретил старого армейского товарища.

Случилось это на работе, где и проходила основная светская жизнь. Кирилл отличался нелюдимостью и тщательно взлелеянной мизантропией. Друзьями не обзавелся, модно тусоваться не любил и не умел, посему весь ассортимент лиц и встреч, отпущенный человеку, относился к рабочим будням. Так что встреча в данном интерьере была неудивительна.

Более того, у судьбы почти не было других шансов в смысле места и времени.

Кирилл сидел на стульчике за ненадежным столиком, который хотелось назвать моднявым (торжество алюминия и прессованных в братской Финляндии опилок русских сосен). Срок адамовой кары на сегодня близился к завершению, и он медитировал на вращающийся под потолком тетрагон с красной надписью «Евро-Стар». Почему именно «евро» и отчего вдруг «стар», было решительно непонятно — на звезду европейского масштаба фирмочка никак не тянула.

Вдоль облитых стеклом стен прогуливались два гражданина, которых тренированный глаз мгновенно зачислил в ранг «некчемушников» — собственное Кирилла определение. Пришли, поглазели, ушли, не поделившись деньгами.

«Некчемушников» он научился вычислять через неделю службы, поэтомуотреагировал на их появление еще большим погружением в медитацию. И так глубоко удалось нырнуть, что появление натурального «кчемушника», сиречь клиента, Ровный пропустил.

В левый висок вонзилось уверенное:

— Слышь, братан!

— А... чем могу помочь? — к нему обращались кожаная куртка в зимней крошке, джинсы и ботинки спортивного фасона, а также два золотых перстня.

— О-о-па! — ответили перстни, и Ровный удивился.

Не сразу, вовсе не сразу он совместил образ тощего сержанта Петухова с современным его изданием, которое было раза так в полтора толще памятного.

— Артем? — секундная заминка, ибо, с одной стороны, то был именно Артем, но, с другой стороны, клиент явно не из бедных — такой вот служебный комплекс.

— Ну, ептель! — пухлая ладонь в рыжих волосках прошлась по плечу. — Ты чего здесь?

— Работаю, — ответил Ровный и засмутился. — Ты... Вы... что-то купить? Э-э-э...

— Ну ты, Кира! Вообще, я не знаю! Ты мне еще «выкаты» начни!

— Так ведь работа. Не, серьезно, ты что-то хотел? Не на меня ж посмотреть!

— Да это... — тут почему-то замялся бывший сержант Петухов. — Труба нужна понтовая, а то мне «Нокией» перед людьми светить как-то неловко.

И он повертел в воздухе хрестоматийной коробочкой «Нокиа 3310» веселой голубенькой масти.

— Запросто! — обрадовался Ровный и распахнул закрома. — Вот «Бенефон ESC», если прикипел к «Нокиа», только что поступили 7650-е, как раз понтовая штука.

— Все ясно. Давай что подороже и пошли отсюда, а то как не родные, — и, изобразив на щекастой пельменине, заменявшей лицо, радость, сказал, разведя руки в скрипнувшей коже: — Мне ж тебя сам Бог послал! Братан!

Сделка была благополучно совершена, магазинчик пал на плечи напарника, а приятели осели неподалеку, в псевдопабе «Король Плющ» — одном из отголосков ирландского эха, которым прогремел на весь Питер знаменитый «Моллиз».

Они сильно выпили и похвастались жизнью. Точнее, хвастался сержант Петухов, так как Кириллу хвастаться было особенно нечем.

Оказалось, что сержант теперь занимается антиквариатом (этакий карьерный выверт) и ему очень нужен, ну просто до зарезу, эксперт.

— Ну, головой-то подумай! Ты ж историк! Ну!

Кирилл залпом осушил квадратную стекляшку с напитком системы «Джемесон» и сообщил, что он, вообще-то, архивист.

— Ты дурак вообще-то! — отозвался грубый Петухов и тоже прикончил виски.

— Я не дурак, а трезво оцениваю возможности.

— Возможности?! — того аж подбросило. — Возможности?! Да что ты знаешь про возможности! Сейчас время такое, братан, можно здорово подняться, это я тебе говорю. Только клювом щелкать не надо! Понимай!

— Так я-то тут при чем? — не желал понимать Ровный. — Я — архивист, а тебе нужны эти, искусствоведы. Ну... Русский музей, Эрмитаж...

— Эрмитаж-хренаж, — Петухов изобразил в дымном воздухе неприличный жест. — Они, конечно, могут. Только долго! И дорого! Приходишь в эту их экспертно-закупочную комиссию, до начальника, до Файмисовича, не достучаться, воляныт по полгода и денег хотят до х...

По его словам выходило, что эксперт — это ужасно важная фигура.

Эксперт должен уметь на одном листе А4 написать такие слова, «чтобы клиент обосрался и немедленно купил».

— А печати мы любые нарисуем, — закончил он. — Это называется «экспертное заключение»: фото на принтере, пять абзацев научной ахинеи, подпись, дата — все! Чего тебе такое сочинить? Трудно, что ли?

— Нет, не трудно, — сдался Кирилл. — И каков гонорар?

— Сразу скажу, немного. Десять процентов от стоимости вещи. Я занимаюсь в основном всякими саблями, допотопными пистолями и тому подобной лабудой. У меня сейчас партия из Индии — тридцать шесть клинков и еще кое-что по мелочи — в Эрмитаже мне на них рисовать бумажки будут, пока я не облысею. А надо быстро, за пару недель, потому что скоро декабрь, народ ринется покупать дорогие подарки на Новый год. Тем более у нас на дворе миллениум, мать его за ногу.

— И... сколько стоит партия?

— Ну вот смотри, если настрочишь красивую бумажку, я в среднем возьму за сабельку два куска.

— Долларов? — осторожно спросил Ровный.

— Нет, епт! Греческих драхм!

— Это получается... — он мысленно умножил тридцать шесть на две тысячи, а после деления на десять — обильно вспотел.

Петухов довольно поглядел на приятеля.

— Ну что? Теперь допер? Или так и собираешься трубками вразнос барыжить, чучело?

Первый блин оказался против обыкновения вовсе не комковатым.

То ли город, наконец, сжалился над московским эмигрантом, то ли у Ровного проклюнулся талант к запудриванию чужих мозгов, то ли почти профильное образование пошло впрок?

Новообращенный эксперт, правда, небезосновательно полагал, что всему виной миллениум, начисто вывихнувший психику тюменских нефтяников, таможенных чиновников и прочих хозяев жизни в сторону лабильности.

Индийскую партию и «кое-что по мелочи» вымели начисто еще до середины декабря, утяжелив экспертное портмоне почти на восемь тысяч долларов — страшные, если подумать, деньги. В шестнадцать раз больше его телефонного дохода в самый удачный месяц.

— Нехреново! — резюмировал Ровный, сведя баланс, и уволился из родной конторы к такой-то матери.

Дальше дело пошло куда натужнее.

Ровный быстро выяснил, что Петухов — крайне мелкая рыба и общается в основном не с окончательными покупателями, а с дилерами более высокого уровня, а значит, главные финансовые ручки текут вдалеке от его, а значит, и кирилловского кармана. Особенности русского предпринимательства, основанного на многократной купле-продаже, Ровный усвоил еще во времена недолгой квартирной пытки, поэтому не удивился и не испытал особенного огорчения.

Серьезно огорчал факт кислого информационного обеспечения — нужные книги продавались только на счастливом Западе, а библиотеки, даже могучая Публичка, то и дело вертели кукиш. Пришлось долго носить коньяк, чтобы припасть к мудрости профильных собраний, например, эрмитажной библиотеки, куда простым смертным ход заказан. Юный интернет в те годы помогал плохо и мало, исключительно по юной своей нескладности.

На Петухова он работал недолго.

Точнее, на одного Петухова.

Вскоре появились нужные связи, клиенты в лице дилеров и даже настоящих коллекционеров. Хоть заниматься приходилось всем подряд (от картин до самоваров), свой первый